

белый террор

Одной из крапленых карт «новой» (либеральной) и «новейшей» (путинской) российской историографии стали жуткие страшилки по поводу «красного террора». В жертвы красного террора записывают всех — расстрелянных, погибших в боях, от голода и болезней (это в условиях-то блокады, установленной прогрессивными западными странами при помощи штыков архи-патриотической белой швали!), кажется, даже умерших своей смертью в период 1917-21 годов (ну еще бы, без большевистского ига они жили бы вечно!).

Белый террор? Ну что вы, это же выдумка коммунистической пропаганды! Вот зверства Чека — другое дело... При этом легко забывают, что до мая 1918 года Чека не вынесла *ни одного*

смертного приговора, а число убитых контрреволюционерами партийных и советских работников за то же время шло на многие сотни. Пожалуйста — выдержка из всего двух мемуаров, созданных сторонниками белого движения. Уж их-то в «коммунистической» предвзятости не обвинишь, правда?..

Вот отрывок из мемуаров белогвардейского контрразведчика Николая Сигиды, созданных в 1925 году в Софии, «для личного пользования»

«Причина ареста всегда вызывалась (так в тексте — В.Ф.) показаниями свидетелей, или доносом, либо захватом какого-либо уличающего документа... Все разбирательство длилось не более суток, через каковой срок арестованный, кто бы он ни был, или освобождался, снабженный соответствующим документом, или расстреливался. Другого наказания мы не имели, а в разбирательствах были крайне осторожны. Естественно, не щадили евреев, но они сами тому виной.» Публ. журнал «Родина», 1990, № 10

Итак, террор, не скрывающий своего антисемитского лица. «Крайняя осторожность разбирательств» явствует из следующего отрывка:

«...допрос имел быть «с пристрастием», то есть с шомполами, для большей словоохотливости допрашиваемого. Разумеется, что Зявкина говорить ничего не хотела. ...Когда ей заявили, что принуждены будут дать ей 25 ударов — В.Ф., а подпрапорщику С. было сказано: «Подпрапорщик, приготовьтесь», эта «милая женщина», презрительно улыбаясь, заметила: — Ведь вы офицеры-рыцари. Неужели вы сможете ударить женщину? — Преступник в глазах судей — существо бесполое. Он — преступник и все. Поэтому или отвечайте или вас будут бить., — сказал Бологовский.» Там же

Палачам не удалось сломить отважную революционерку. Думаете, она была освобождена? Как бы не так:

«Она предпочла быть битой, и не только 25 раз, а гораздо больше. И даже тогда, когда ее вешали, она все же нашла в себе мужество сказать: — Сколько вас сейчас, а я одна, и сколько вас было тогда, я же была тоже одна.

После этого, подрыгав немного ногами и руками, она осталась „также одна“».

Там же

Ну что ж, скажут иные. Тупой солдафон, что с него взять. Было ведь и другое Белое Движение, интеллигентное, утонченное и лилейное. Да, было — и вот его пример. Путевой дневник А.А. Эйлера, занимавшего должность в администрации деникинской Добровольческой армии:

«Познакомился с приехавшим к губернатору из Актюбинска уездным начальником Актюбинского уезда полковником Кожиным. Бывший жандармский офицер, грубый и цинично жестокий человек... В частных разговорах проявляет несомненные наклонности к садизму, рассказывая как утонченно жестоко он мучал большевиков на фронте, закапывая их живыми в землю и вставляя им в задний проход раскаленные шомполы. Политику Добрармии, не стесняясь, ругает, считая ее «дермократией». Оригинальные, право же, предтечи у нынешних державных патриотов! — В.Ф.Поразителен контраст двух начальников уезда: Леонтовича и Кожина...» Публ. журнал «Звезда», 2000, № 1

Если верить Эйлеру, контраст и правда имеет место: «Казачий полковник Леонтович. Впечатление: энергичный и деятельный администратор, понимающий законность и гражданский порядок.»

Как именно «деятельный администратор» понимает законность видно из следующего же абзаца: «При въезде в город стоит виселица. Но людей вешают и на городском бульваре — в центре города, за что на днях был отстранен от должности прапорщик, приводивший в исполнение приговор полевого суда...»

Уточним — прапорщик был отстранен не за расправу над пленным, а за недостаток эстетического чувства. Подумать только: бульвар в «освобожденном» белыми городке, под ручку фланируют дамы и господа — а тут... гнусная большевистская чернь даже после смерти смеет осквернять своим видом променады благородного общества! Фи...

И это не случайность. Тема массовых расправ всплывает в дневнике не раз:

«Получил от Городской и Земской Управ удручающий материал, подтвержденный и начальником уезда, о деятельности полк. Мшанецкого, штаб-ротмистра Литвина и хорунжего Голубинцева. Последних двух уже в городе нет. Штаб-ротмистр Литвин через 2 1/2 месяца после занятия Св.Креста Добрармией среди белого дня в центре города расстрелял 60 больных красноармейцев, взятых им из госпиталя вопреки протестам персонала, не имея ни приказа об этом, ни приговора суда. Недострелянные ползали по городу и залезали в частные дома. Начальником уезда произведено форменное дознание, которое доставлено к прокурору. Полк. Мшанецкий, помимо совершенно невероятных действий, вешал людей на бульварах и уличных фонарях...» Там же

Что же это за невероятные действия, о которых Эйлер побоялся рассказать даже в личном дневнике? Что-то подобное утонченным развлечениями полковника Кожина? Возможно. Кстати, самым гнусным большевистским злодеянием, описанным Эйлером, явилось ... разорение местной школы. Книжки порвали, стекла побили, намусорили — есть над чем повздыхать утонченному интеллигенту. Чернь! Как таких не вздернуть...

Не случайно, видно, уже в 20-х годах, бывший белый генерал Сахаров, находясь в эмиграции в Германии, писал в своей книге: «Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его».

Напоследок важно подчеркнуть вот что. Мы вовсе не хотим представить большевиков невинными ягнятами, записными вегетарианцами от политики. Конечно, красный террор как система *устрашения* эксплуататорских классов тоже имел место. Конечно, были и «эксцессы», и невинные жертвы. Любое насилие насильственно. К сожалению, история не знает иных методов. Скрупулезно высчитывать — «первые погубили сто тысяч, а вторые сто тысяч и двоих- значит, первые лучше» — как раз есть наибольшее лицемерие и людоедское ханжество. Важно, куда ведет общество это насилие. Белый террор тащил его назад, к отжившим формам жизни. Красный был орудием нового, восставшего класса. Рабочие и крестьяне расправлялись со старым миром. Жестоко? Не обессудьте — что получали, то и вернули сторицей...